

ФИЛОЛОГИЯ

(РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ, РУССКАЯ)

*Наталья Николаевна БЕЛОЗЕРОВА —
зав. кафедрой английского языка,
профессор, доктор филологических наук,*

*Лариса Евгеньевна ЧУФИСТОВА —
декан факультета
романо-германской филологии, доцент*

УДК-802

ДИДАКТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ. Авторы рассматривают переводческий процесс в академических условиях через ряд когнитивных структур, уделяя особое внимание особенностям проявления параметров удвоенной коммуникативной модели Романа Якобсона, и предлагают ряд рекомендаций для успешной подготовки переводчиков.

The authors tackle academic translation process as a result of cognitive structures activity. On the basis of the doubled R. Jakobson's communicative model academic translation failures are scrutinized, including the distortions of such parameters as message, contact and code. A number of recommendations are offered for a more successful training of interpreters.

При переводческой деятельности основополагающую роль играют четыре переводческие максимы, обоснованные во многих теоретических и дидактических работах по проблемам перевода. Эти максимы закреплены в следующей парадигме:

1. Совершенное владение родным языком.
2. Совершенное владение языком перевода.
3. Совершенное владение техникой перевода (приемы, трансформации).
4. Точное представление о предмете перевода (знание терминологии и ее узуса) [1].

Эти максимы, в свою очередь, связаны непосредственно с конвенциональными и осознаваемыми максимами, выделенными Грайсом в его работах «Logic and Conversation» (1975) и «Further Notes on Logic and Conversation» (1978) [2]. Эти максимы представлены следующей парадигмой:

1. **Cooperation:** make your conversational contribution such as is required by the accepted purpose or direction of the talk exchange in which you are engaged.
2. **Quantity:** make your contribution as informative as (but not more informative) is required.
3. **Quality:** do not say what you believe to be false, or for which you lack adequate evidence.
4. **Relation:** be relevant.

5. **Manner:** be perspicuous, avoid obscurity of expression, avoid ambiguity, be brief, be orderly [3]. Бэйзил Хатим и Ян Мэйсон отмечают, что максимы Грайса нацелены на достижение максимальной эффективности коммуникации и любое отклонение от них воспринимается как присутствие различного рода имплицатур [4]. На наш взгляд,

при переводческой деятельности отклонение от конвенциональных максим Грайса вызвано, во-первых, отсутствием корреляции между ними и переводческими максимумами, а во-вторых, более глубинными процессами, которые можно проанализировать и частично объяснить при помощи когнитивных моделей Якобсона, Ван-Дейка и других ученых. Мы попытаемся произвести эти операции при анализе собственного педагогического опыта по подготовке студентов-переводчиков в Тюменском государственном университете.

Прежде всего, отметим, что в силу ряда причин, главная из которых филологическая неподготовленность¹ абитуриентов из провинции, поступающих на переводческое отделение, внедрение переводческих максим и соответственно конвенциональных максим приходится осуществлять не *последовательно, а симуланно*. За два первых года обучения эти студенты не достигают уровня владения иностранным языком, который необходим для успешного осуществления переводческих трансформаций. Поэтому обучение теории и техническим приемам перевода приходится проводить в условиях одновременной работы по учебным программам, нацеленным не только на овладение дискурсом на иностранном языке (*практикум по культуре речевого общения*), но и на овладение иностранным языком, соответствующее продвинутому (*advanced*) и профессиональному уровням (*proficiency*). Особой трудностью становится четвертая максима, то есть *точное представление о предмете перевода (знание терминологии и ее узуса)*, которая частично снимается во время производственных практик, частично при изучении общегуманитарных и социальных дисциплин, а также математических и естественных и ряда дисциплин по выбору в рамках ГСЭ и ЕН. К сожалению, формальный подход студентов к этим дисциплинам не позволяет им достичь необходимого для успешного осуществления переводческой деятельности уровня эрудиции.

Между тем даже при работе в рамках занятий по устному последовательному переводу (*consecutives*) с такими неподготовленными студентами можно наблюдать ряд парадоксальных явлений. Так, в рамках занятий по устному последовательному переводу (*consecutives*) студентам предлагался ряд учебных текстов (минилекции по американской культуре, экономике, политике и образованию из курса *Noteworthy*) и ряд аутентичных текстов из теленовостей (*Euronews, NBC*). Эти тексты предлагались как для абзацно-фразового последовательного перевода, так и для полнотекстового. Было отмечено, что чем выше был уровень единицы перевода, тем меньше искажений допускали даже самые слабые студенты. То есть при последовательном переводе всего текста допускалось меньше искажений, чем при переводе целого абзаца, при переводе целого абзаца допускалось меньше искажений, чем при переводе отдельного целого предложения, при переводе отдельного целого предложения допускалось меньше искажений, чем при переводе отдельной фразы, при переводе отдельной фразы допускалось меньше искажений, чем при переводе отдельного слова.

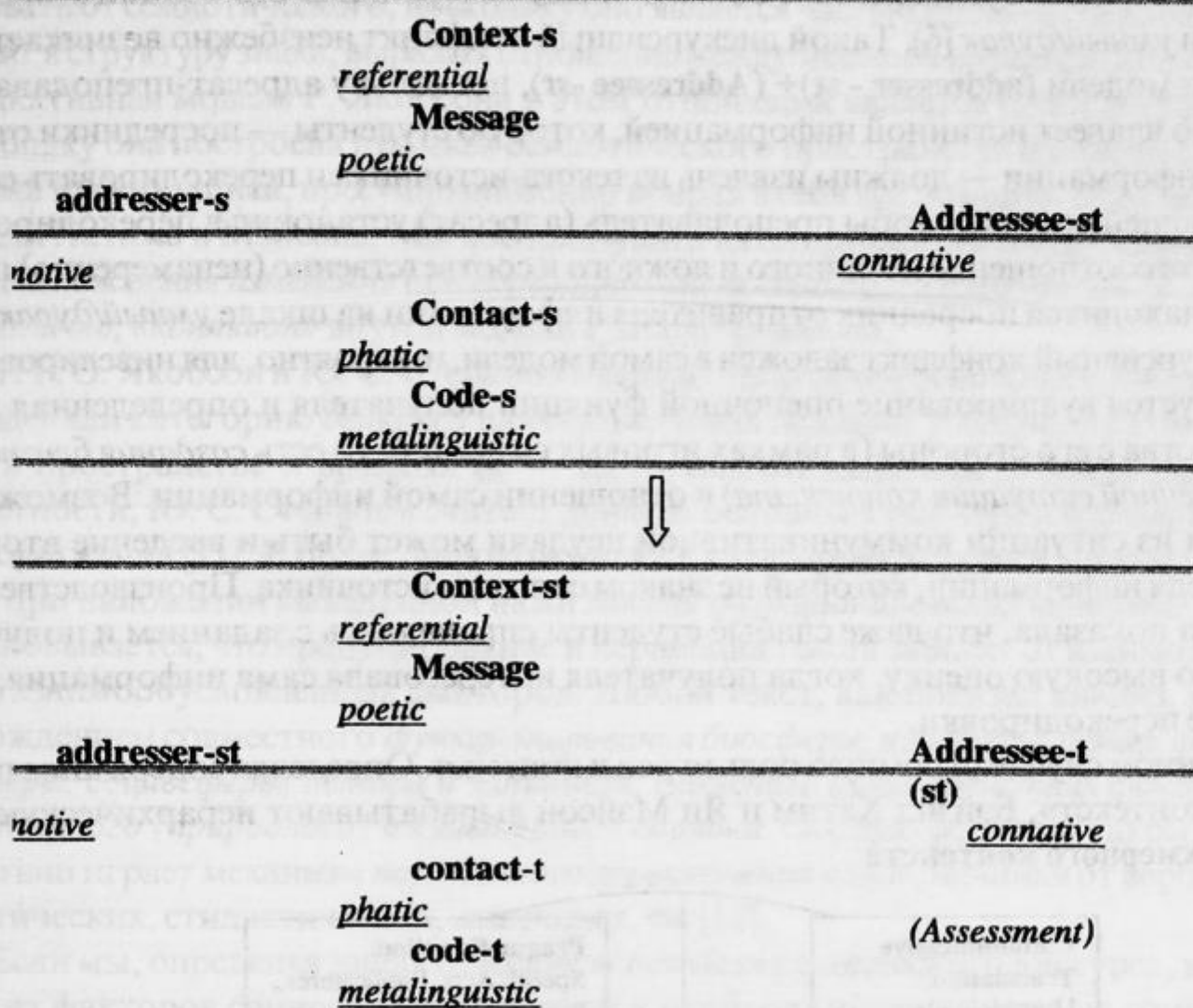
Когда тем же студентам предлагался для письменного перевода письменный текст такой же информационной и лингвистической трудности, искажения возрастали многократно. В значительной степени эти искажения были вызваны подсознательным стремлением студентов использовать дословный, буквальный перевод, хотя об ущербности этого метода студенты узнали в ходе курса по теории перевода.

Такие явления, на наш взгляд, нельзя объяснить только уровнем подготовленности студентов и корректностью дидактической задачи. Для выяснения их сути необходимо обращение к когнитивным моделям.

¹ Отсутствие учителей по ряду филологических предметов в школе, слабый навык чтения и соответственно низкая эрудиция и др.

Обратимся к удвоенной модели Якобсона

Jakobson's Communication Model

[5]

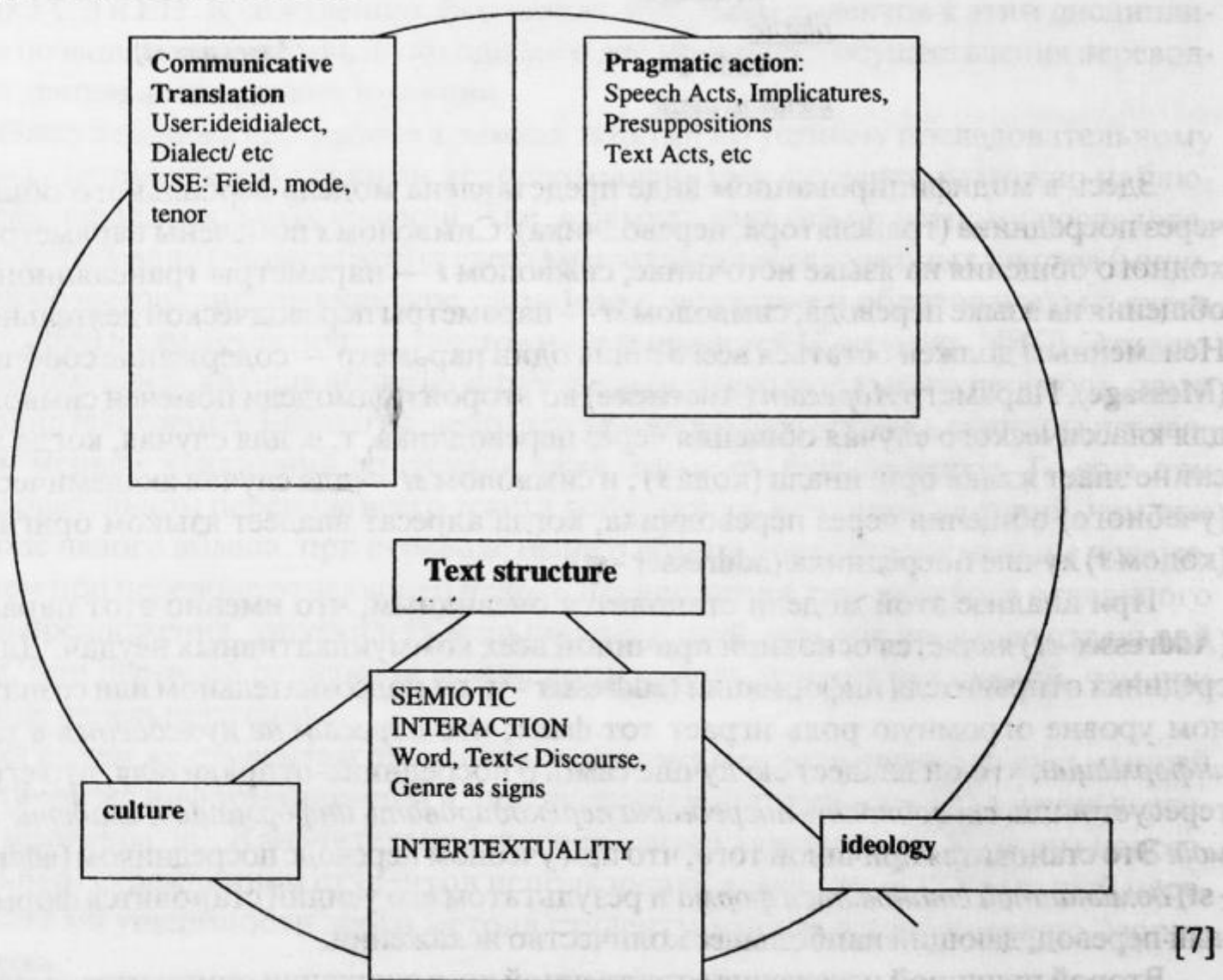
Здесь в модифицированном виде представлена модель вербального общения через посредника (транслятора, переводчика). Символом *s* помечены параметры исходного общения на языке источнике, символом *t* — параметры трансляционного общения на языке перевода, символом *st* — параметры переводческой деятельности. Неизменным должен остаться всего лишь один параметр — содержание сообщения (**Message**). Параметр *Адресат* (**Addressee**) во второй подмодели помечен символом *t* для классического случая общения через переводчика, т. е. для случая, когда адресат не знает языка оригинала (кода *s*), и символом *st* — для случая академического (учебного) общения через переводчика, когда адресат владеет языком оригинала (кодом *s*) лучше посредника (**addresser - st**).

При анализе этой модели становится очевидным, что именно этот параметр (**Addressee-st**) является основной причиной всех коммуникативных неудач. Для посредника отправителя информации (**addresser - st**) на подсознательном или сознательном уровне огромную роль играет тот факт, что *адресат не нуждается в самой информации*, что он владеет ею лучше самого посредника-отправителя, что его интересует лишь *способность посредника перекодировать информацию, владение формой*. Это становится причиной того, что при учебном переводе посредником (**addresser - st**) *доминантой становится форма* и результатом его усилий становится формальный перевод, дающий наибольшее количество искажений.

Второй причиной искажения естественной коммуникации становится *связанная с категорией адресата оценочная (эмотивная) функция*. В классической модели только отправитель информации выражает свое отношение к предмету речи или к собеседнику. В случае посреднической деятельности переводчик не имеет права выразить собственное отношение к этим параметрам, тогда как преподаватель — получатель перекодированной студентом информации — обязан оценить при использовании критерия оценки адекватность представления информации и форму представления

информации. В любой естественной коммуникации при оценке адекватности информации и формы ее подачи возникает *дискурсивный конфликт*, поскольку в действие вступают взаимообусловленные объективные дискурсивные оппозиции *истинное/ложное* и *умный/дурак* [6]. Такой дискурсивный конфликт неизбежно возникает при действии модели (addresser - st) + (Addressee -st), поскольку адресат-преподаватель априорно владеет истинной информацией, которую студенты — посредники отправителя информации — должны извлечь из текста-источника и перекодировать ее для последующей оценки, чтобы преподаватель (адресат) установил в перекодированном тексте соотношение истинного и ложного и соответственно (ненамеренно) показал, где находится посредник отправителя информации на шкале *умный/дурак*. Такой дискурсивный конфликт заложен в самой модели, и, вероятно, для нивелирования его требуется вуалирование оценочной функции получателя и определенная доля притворства с его стороны (в рамках игровых ситуаций, то есть *создания близкого к естественной ситуации контекста*) в отношении самой информации. Возможным выходом из ситуации коммуникативной неудачи может быть и введение второго получателя информации, который не знаком с языком источника. Производственная практика показала, что даже слабые студенты справлялись с заданием и получали довольно высокую оценку, когда получателя интересовала сама информация, а не форма ее перекодировки.

В данном случае огромную роль играл и контекст. Определяя содержание параметра «контекст», Бэйзил Хатим и Ян Мэйсон вырабатывают иерархическую модель трехмерного контекста:

Согласно этой модели, переводчик сначала производит операции в рамках коммуникативного измерения, затем в рамках прагматического и лишь после в рамках семиотического [8]. Представляется, однако, что эта модель, на первый взгляд, универсальная, значительно искажает сущность обмена информацией, вне зависимости от того, осуществляется ли он через посредника-переводчика или без него. Семиотическое пространство, семиосфера [9] является областью, в которой распределяются

информационные потоки, поэтому оно является контекстуальной доминантой при любом обмене информацией, включая вербальный. Также прагматическое измерение нельзя оторвать от семиотического, поскольку оно является частью процесса семиозиса [10] и входит в структуру знака, выражая отношение между знаком и интерпретатором. Коммуникативная модель Р. Якобсона в этом отношении является более совершенной, поскольку она построена в рамках семиотического пространства и поясняет процесс обмена информацией, пресуппозиционно вбирая в себя все позиции, обозначенные в модели Хатима и Мэйсона. Мы воспользуемся категориями *дейксиса*, *жанра* и *медиума* для пояснения изменения при переводческой деятельности параметров «контекст» и, частично, «контакт» внутри модели Романа Якобсона.

И Р. О. Якобсон и Ю. С. Степанов в рамках выделения основных функций языка определяли категорию *дейксиса* для обозначения локации участников коммуникации в пространстве и времени (я — ты — момент действия — место действия). В частности, Ю. С. Степанов считает дейксис основным маркером *прагматической функции* языка [11]. В более широком смысле категорию дейксиса можно рассмотреть при наложении выведенной нами *модели функционирования интертекста*, где обосновывается, что продуцирование и перцепция текста зависят от взаимодействия ряда взаимообусловленных факторов. Любой текст, как показал анализ, является порождением совместного *функционирования биосферы, ноосферы, семиосферы, этносферы, социосферы, автора и читателя, сложного взаимодействия факторов естественного (природного) и культурного порядка*. Особую роль при таком взаимодействии играет механизм *постоянного переключения кодов*, начиная от вербальных, эстетических, стилистических, жанровых, etc [12].

Если мы, определяя дидактические аспекты переводческого дискурса, выделим из этих факторов социосферу, то придем к необходимости взгляда на социальный контекст как на доминанту дейксиса.

Системные, парадигматические связи внутри социального контекста описаны Т. А. Ван Дейком в работе «Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов». Ван Дейк выделяет «общий социальный контекст» (*general social context*), который может быть описан в следующих категориях: личное, общественное, институциональное/формальное, неформальное [13]. Далее он выделяет «вариативный» социальный контекст, который «задает возможные действия участников социального взаимодействия в тех или иных ситуациях: категориями этого контекста являются *позиции (например, роли, статусы и т. д.), свойства (например, пол, возраст и т. д.), отношения (например, превосходство, авторитет), функции (например, отец, слуга, судья и т. д.)*» [14]. Особую роль играют конвенциональные установления (*conventions* — правила, законы, принципы, нормы, ценности), соотносящие социальное поведение человека с его этнической и культурной принадлежностью. Совокупность этих установлений (*знания, мнения; потребности, желания, предпочтения; отношения, установки; чувства, эмоции*) Ван Дейк называет внутренней структурой говорящего [15]. Если мы сопоставим параметры контекстов (*context-s/ context-st*) в удвоенной коммуникативной модели Якобсона, то обнаружим различное их наполнение и в рамках общего социального контекста, и вариативного, и конвенционального. Социальная цепочка *студент–преподаватель* будет определяться совершенно иными структурными доминантами (например, авторитет, превосходство, возраст, установки), чем социальная цепочка *писатель/журналист – читатель, телезритель*, при которой отношения авторитета и превосходства не будут релевантными. Особая роль во второй подмодели будет принадлежать институциональному локусу (дейксису), содержанием которого является академическое пространство и академическое время, тогда так в первой подмодели локус (дейксис) не во всех случаях будет маркирован категорией «*институциональное*». Соответственно будут отличаться и конвенциональные параметры (например, развитая и домини-

рующая в академической среде система оценочных установок и критериев и ее второстепенная роль в бытовой среде).

Рассмотрим, какие трансформации будут происходить в рамках *контекста самого сообщения*, который образуется из сочетания и взаимодействия трех категорий: *формы, жанра и медиума*.

Трансформации на уровне *формы* будут зависеть от дидактической задачи (выполнение перевода письменного текста в письменной или в устной форме, выполнение перевода устного текста в устной или письменной форме).

Хотя и для обеих форм будут характерны отношения коммуникативной равноценности, обусловленной относительной общностью языковых единиц, несущих одинаковую информацию [16], степень адекватности академического перевода будет зависеть как и от самой формы, так и от уровня выбранной языковой единицы (см. выше).

Для того чтобы понять эту зависимость, обратимся к работе Т. Ван Дейка «*Cognitive Processing of Literary Discourse*» (1978), написанной в рамках теории фреймов. В ней разбираются ментальные процессы, происходящие при восприятии и интерпретации художественных текстов. Ван Дейк отмечает следующие существенные моменты, релевантные для объяснения трансформаций на уровне формального контекста сообщения:

1) если рассматривать работу кратковременной и долговременной памяти при извлечении информации, то не существует разницы между художественным текстом, рекламой, газетной статьей или устным дискурсом;

2) при восприятии текста у каждого читателя существует определенный набор установок, зависящих от этнокультурных и психолингвистических факторов, в частности фреймы, обусловленные социальными моделями поведения, и «макроструктуры» текста, например нарративные цепочки;

3) если при восприятии невымышленных текстов и некоторых художественных нарративов поверхностные структуры (лексико-грамматические), в отличие от семантических, не запоминаются, в поэтических текстах эти структуры играют существенную роль при интерпретации и, следовательно, запоминаются [17].

Мы уже анализировали, каким образом действуют установки и фреймы, обусловленные социальными моделями поведения, в условиях академического перевода. Рассмотрим, как трансформируются структуры текста. Практика показывает, что при *полнотекстовом представлении устных сообщений* для устного или письменного перевода почти не происходит искажений ни на уровне макроструктур, ни на уровне семантических структур. Воспринятые семантические структуры (информемы и прагмемы) передаются достаточно адекватно при переключении кода. Как уже отмечалось выше, поверхностные, лексико-грамматические, структуры начинают доминировать при предъявлении письменного текста, поскольку перед глазами студента-переводчика находится прежде всего *грамматически упорядоченное пространство между полями, состоящее из слов-знаков, которое нужно в такой же степени упорядоченно трансформировать при помощи слов-знаков языка перевода*. Какую бы задачу ни ставил преподаватель, если текст (особенно на иностранном языке) остается перед глазами студента на протяжении всего отведенного на перевод времени, подсознательно *единицей перевода* становится слово как минимальный языковой знак. Соответственно, подсознательно начинает доминировать буквальный, дословный перевод, и от преподавателя требуются определенные усилия для переключения студентов на другой вид перевода.

Категория *жанра* при передаче информации, закодированной в знаках вербального и риторического кода языка источника, при помощи вербального и риторического кода принимающего языка прежде всего связана с параметрами социокультурной нормы и регулятивов в целом. Бэйзил Хаким и Ян Мэйсон отмечают четкую

конвенциональную обусловленность этого параметра, зависящую от социокультурных факторов:

Genres are «conventionalized forms of texts» which reflect the functions and goals involved in particular social occasions as well as the purposes of the participants in them [18]. From a socio-semiotic point of view, this particular use of language is best viewed in terms of norms which are internalized as part of the ability to communicate [19].

Можно заметить, что для студентов, изучающих языки и особенности передачи информации на этих языках в ином вербальном коде в рамках единой европейской культуры, имеющей по существу единую культурную основу (античность и христианство), жанровые, функциональные и регулятивные расхождения будут незначительными. Между тем изучаемые языки (например, английский) являются языками международного общения и, зачастую, обращаются в семиотическом пространстве культур, далеких от античной и христианской традиции. Сообщения, отправленные в рамках этих культур или отправляемые адресату из этого семиокультурного пространства, будут нуждаться в значительной жанровой коррекции соответственно жанровым нормам принимающей культуры.

Другие моменты, релевантные для межжанровых трансформаций, представлены в работе Дэниеля Чэндлера «Введение в теорию жанров». К ним относятся:

1. Историческая обусловленность категории жанра (*Genres need to be studied as historical phenomena* [20];).

2. Взгляд на жанр как на коммуникативное событие, обусловленное авторскими установками воздействовать на адресата (*To varying extents, the formal features of genres establish the relationship between producers and interpreters. A basic model underlying contemporary media theory is a triangular relationship between the text, its producers and its interpreters. From the perspective of many recent commentators, genres first and foremost provide frameworks within which texts are produced and interpreted. Semiotically, a genre can be seen as a shared code between the producers and interpreters of texts included within it* [21].).

3. Взаимосвязь и взаимообусловленность между жанром и медиумом.

В академической практике, даже при задании произвести межжанровые трансформации (случай реферативного перевода), особых искажений на уровне жанра не происходит. Это обусловлено, во-первых, подсознательным действием отмеченных Т. ван Дейком макроструктур (*интертекста 2* в нашей модели), а во-вторых, программой снятия жанровых и функциональных трудностей, заложенной в курсах по предпереводческому анализу текста и стилистике. Возникающие искажения вызваны, прежде всего, переводческой деятельностью студента в отрыве от медиума текста.

Для более точного определения сущности возникающих искажений рассмотрим еще один параметр контекста — *категирию медийности*. Категория *медийности*, введенная в дискурсивный анализ в последние годы (Ван Дейк [22], Митра [23]), нацелена на анализ средства, через которое осуществляется коммуникация. Введение данного параметра позволяет рассмотреть соотношение макро- и микромедийности, мультимедийности (при наличии, например, печатного и электронного варианта), интермедийности (при пересечении, взаимопогружении разномедийных текстов разных жанров), интертекстуальности, интрамедийности (при представлении в пределах одной поверхности разных средств передачи информации).

В этом плане отдельную статью из журнала или отдельную программу из телепередачи следует рассматривать как микротекст, который обладает всеми коммуникативными и морфологическими характеристиками макротекста — журнала или телевизионного канала.

В случае статьи из электронной версии журнала (например *The Economist, Upgrade, Messenger*) наблюдается тройное проявление категории медийности. По отношению ко всей сети ИНТЕРНЕТ, представляющей собою макромедийный па-

раметр, журнал характеризуется микромедийностью, а по отношению к отдельной статье — макромедийностью. Особые изменения будут наблюдаться не только на уровне *получателей информации* (читателей), но и на уровне *метаязыковой функции*. Потребуется установление не только общего с получателем информации кода, но и знание особенностей метаязыка электронного или печатного средства передачи информации. В академической практике перевод письменного текста зачастую осуществляется в отрыве от макротекста (журнала, канала). Студенты не всегда владеют метаязыком источника информации (например ироническим пафосом журналов *The Economist, Upgrade*) и, соответственно, вносят искажения, вызванные нарушением связи между *текстом, жанром и медиумом*. Когда студенты работают «внутри» медиума, например при включенном телеканале или с оригиналом статьи (не изъятой из журнала), а не с фотокопией, количество искажений уменьшается. Для того чтобы снять эти искажения, при предпереводческом анализе текста требуется уделять время на ознакомление с метаязыком медиума.

Рассмотрим, как действует параметр кода и соответствующий переводческой деятельности механизм переключения кода. Термин *переключение кода* («*code-switching*») используется в лингвистике для обозначения *взаимозаменяемости слов, фраз и предложений между двумя или более языками* [24]. Фактически, процесс переключения не ограничивается лексико-грамматическим уровнем. Переключения происходят на уровне риторических, эстетических, культурных и других социальных кодов. На уровне вербальных переключений при переводе, по мнению Романа Якобсона, возникают два эквивалентных сообщения, переданных в двух различных кодах («*translation involves two equivalent messages in two different codes*») [25]. Сам механизм, как подтверждают последние исследования нейропсихологических процессов, при переводческой деятельности является трехступенчатым и состоит из следующих компонентов: *получение сообщения, переключение сообщения и отправлене перекодированного сообщения* (*the interpreting process has three stages: receiving the utterances, switching the utterances, and delivering the utterances*) [26].

Все трудности при приобретаемом билингвизме во время переводческих операций обусловлены, на наш взгляд, двухуровневой структурой переключения, которое в значительной степени отлично от переключения, возникающего при естественном билингвизме, и которое характеризуется одноуровневой структурой. Двухуровневость приобретаемого билингвизма, в такой же степени левополушарного, как и естественного, обусловлена *характером осознания лексико-грамматических структур*. Лексико-грамматические структуры родного языка не осознаются, то есть не выходят на поверхность, тогда как лексико-грамматические структуры изучаемого языка осознаются, они на поверхности. Это, с одной стороны, является причиной ошибок, с другой — позволяет вводить систему переводческих технических приемов: лексических трансформаций, грамматических, стилистических, прагматических. По идее, при переводческом переключении кода наблюдается раздвоение референта, как и при образовании когнитивной метафоры. Разница в том, что если метафора как продукт правополушарной обработки информации основана на ассоциативных связях, то при вербальном переводе, полностью левополушарном процессе, основанном на логических операциях (например, *если в ST стоит определенный артикль, то в TT этот компонент будет занимать позицию темы*), возникнет *tapping* без ассоциаций, хотя с ассоциациями не все так просто. Практика показывает, что синонимический ряд, играющий большую роль при переводческом переключении кода и основанный, как и при метафорических когнитивных процессах, на подобии, возникает в сознании в результате когнитивных ассоциативных операций (наблюдается множественность референта). В любом случае, переводчик, в отличие от отправителя информации и получателя информации, не имеет право продуцировать ассоциативный ряд. Практика показывает, что при появлении зрительного ряда,

например видеокадров хроники событий (при полнотекстовом последовательном переводе), семиотически представляющего категорию объекта, воспринимаемого правым полушарием, начинают работать ассоциации между образным (зрительным) и вербальным представлением сообщения. Студент-переводчик при переключении кода опирается на зрительный ряд, при этом семантические структуры оказываются удвоенными, тогда как лексико-грамматические структуры и родного и второго языка перестают осознаваться. Его интерпретация события возникает практически без искажений. Вероятно, на начальном этапе подготовки переводчиков следует шире привлекать зрительный ряд, сопровождающий сообщение.

Конечно же, взгляд на переводческий процесс в академических условиях через удвоенную модель Р. Якобсона не охватывает всех моментов обучения переводу как деятельности, например тренировку концентрации и переключения внимания, тренировку кратковременной (рабочей) памяти. Тем не менее, такой анализ помогает постичь на коммуникативном и когнитивном уровнях причину тех искажений, которые допускают студенты при собственной переводческой деятельности. Такой анализ позволяет выработать ряд рекомендаций, таких как:

- расширенное применение игровых технологий, способствующих принятию переводческих решений и нивелированию авторитарной функции преподавателя-критика, который не нуждается в сообщении;
- введение второго получателя информации, который не знаком с языком источника;
- доминирование полнотекстового последовательного перевода на начальных этапах обучения с последующим переходом к более детальным уровням.
- расширенное использование зрительного ряда для образования дополнительных семантических структур;
- обязательный предпереводческий анализ контекста сообщения, особенно медиума.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Комисаров В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу. М.: «Рема», 1997. 110 с.; Он же. Теория перевода. М., 1990. С. 227-246.
2. Grice, H. P. *Logic and conversation*, in Cole P. (ed.), *Syntax and Semantics*, vol. 3: *Speech acts* New York: Academic Press, 1975; Grice, H. P. *Further notes on logic and conversation*, in Cole (ed.), *Syntax and Semantics: Pragmatics* New York; Academic press, 1978. P. 113-27.
3. Цит. по: Hatim, B. and Mason, I. *Discourse and the translator* Longman: London and New York, 1994. P. 62.
4. Ibid. P. 63.
5. Якобсон Р. *Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»*. М.: Прогресс, 1975. 468 с.
6. В терминах М. Фуко и Ю. М. Лотмана. См.: Фуко Мишель. *Слово и вещи. Археология гуманитарных наук*. СПб.: А- cad, 1994. 407 с.; Лотман Ю. М. *Культура и взрыв*. М.: Прогресс, 1992. 272 с.
7. Hatim, B. and Mason, I. *Discourse and the translator* Longman: London and New York, 1994. P. 58.
8. Ibid.
9. См. раб. Ю. М. Лотмана: Лотман Ю. М. *Избранные статьи // Статьи по семиотике и типологии культуры*. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. 480 с. См. также нашу модель функционирования интертекста: Белозерова Н. Н. *Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики // Language and Literature N 12* // [http://www. utmn/ru/frgf/ journal. htm](http://www.utmn.ru/frgf/journal.htm) 2001.
10. См. Моррис: Morris Ch. *Foundation of the theory of signs «International Encyclopedia of Unified Science»*, 1938. Vol. 1. No. 2.
11. Степанов Ю. С. *Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) // Изв. АН СССР. Сер. Л и Я, 1973. Т. 32. Вып. 4.*

12. См. подробнее: Белозерова Н. Н. Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики//Language and Literature N 12//[http://www. utmn/ru/frgf/journal. htm](http://www.utmn.ru/frgf/journal.htm) 2001.
13. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. Сост. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. С. 23.
14. Ibid.
15. Ibidem, С. 25.
16. См.: Комисаров В. Н. Теоретические основы методики ... 110 с.; Теория перевода. Он же. ... С. 227-246.
17. Van Dijk T. A. Cognitive processing of Literary discourse. URL: [http://spinoza. tau. ac. il/hci/pub/poetics/art/cog. 9html](http://spinoza.tau.ac.il/hci/pub/poetics/art/cog.9html) –1997.
18. Kress, G. Linguistic Processes in Sociocultural Practice. Victoria: Deakin university Press 1985. p. 19.
19. Hatim, B. and Mason, I. Discourse and the translator Longman: London and New York, 1994. P. 69
20. Chandler D., An Introduction to genre theory:[http://www. aber. ac. uk/~dgc/media. html](http://www.aber.ac.uk/~dgc/media.html) Last modified: 05/24/98 14:19:17
21. Ibid.
22. Van Dijk T. Critical Discourse Analysis//URL: [http:// www. let. uva. nl/~teun](http://www.let.uva.nl/~teun)
23. Ananda Mitra (Ph. D., Univ. of Illinois) Characteristics of the WWW Text: Tracing Discursive Strategies// URL: [http://www. . wfu. ed /ananda. html](http://www.wfu.edu/ananda.html)
24. Odlin, Terence (1989). *Language Transfer*. Cambridge University Press., 1989
25. Jakobson, Roman (1959) «On Linguistic Aspects of Translation», in R. A. Brower (ed.) *On Translation*, Cambridge, MA: Harvard University Press, pp. 232-39. 233.
26. Wei, Lin Positive Transfer: A Neuropsychological Understanding of Interpreting and the Implications for Interpreter Training // *Translation journal*, Volume 6, No. 3 July 2002 URL: [http://accurapid. com/journal/21interpret. htm](http://accurapid.com/journal/21interpret.htm) Last updated on: 08/12/2002 11:56:52

Вера Дмитриевна ТАБАНАКОВА —
зав. кафедрой перевода
и переводоведения факультета
романо-германской филологии, профессор,
доктор филологических наук

УДК 802. 0-3

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ И СЕМАНТИКА СЛОВА В АНГЛИЙСКОЙ, ФРАНЦУЗСКОЙ, НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

АННОТАЦИЯ. В данной статье делается попытка рассмотреть этнокультурную информацию как структурную составляющую лексического значения, обратиться к разноязычным теориям и проследить, каким образом культурные смыслы могут быть описаны в терминах современной лексической семантики.

Cultural meaning and Word Semantics in English, French, German and Russian Lexicology. The article focuses on cultural meaning as a lexical meaning component. Applying to different word theories it illustrates cultural information analysed in modern semantics terms.

На наших глазах лексическая семантика последовательно, плавно и вместе с тем быстро трансформируется из структурной в коммуникативную, затем — в когнитивную. Определяющей сегодня становится культурологическая нагрузка на язык. И мы пытаемся осмыслить, каким образом культура отражается и закрепляется в